

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РАСКРЫТИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 433.3
ББК 67.408.14

ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НА НЕГО ПОСЯГАЮЩИХ

Л.В. Лобанова

В статье дается характеристика такого объекта уголовно-правовой охраны, как порядок управления, проводится граница между этим объектом и объектом уголовно-правовой защиты главы 30 Уголовного кодекса. Предложена новая классификация преступлений, посягающих на порядок управления, способная оказать помощь правоприменителю при квалификации данного рода преступных деяний.

Ключевые слова: порядок управления, объект преступления, объект уголовно-правовой охраны, групповой объект преступления, уклад взаимодействия, классификация преступлений, преступления против порядка управления.

Давно уже было отмечено, что без определения объекта уголовно-правовой охраны (а следовательно, и объекта преступления) невозможно определить сущность преступных деяний, посягающих на него (см., например: [6, с. 5]). Это касается не только конкретных преступлений, но и в еще большей мере их групп, в том числе объединений в рамках целой главы Уголовного кодекса. В последнем

случае речь идет о поиске сущности более высокого уровня. Преступления против порядка управления не являются исключением, поскольку свойства объекта преступления, находящиеся в непосредственной зависимости от свойств соответствующих общественных отношений, взятых под охрану уголовного закона, позволяют уяснить содержание и признаки других элементов состава преступления.

В науке советского уголовного права было распространено мнение о совпадении объектов должностных преступлений и преступлений против порядка управления. При этом констатировалось, что разграничение между данными посягательствами следует проводить по

признакам субъекта преступления: первые являются посягательствами на нормальную деятельность советского государства изнутри системы со стороны должностных лиц, а вторые совершаются обычными гражданами и несут угрозу для общественных отношений извне (см., например: [5, с. 16; 19, с. 356]). Но и тогда предпринимались попытки отказаться от отождествления объектов должностных преступлений и преступлений против порядка управления, хотя и не всегда вполне удачные. Так, Г.Ф. Поленов писал: «Объект должностных преступлений гораздо шире объекта преступлений против порядка управления, он выходит за рамки общественных отношений, ограниченной сферой управления. Управленческие общественные отношения при должностных преступлениях выступают лишь как составная часть нормальной деятельности государственного аппарата. Если же при совершении должностных преступлений ущерб причиняется общественным отношениям, входящим в сферу управления, то и в этом случае они отличаются от преступлений против порядка управления, ибо совершаются не частным, а должностным лицом» [14, с. 8].

Как верно заметил П.П. Осипов, соотнесение автором объекта должностных преступлений с объектом преступлений против порядка управления как целого с частью привело к тому, что в результате «оба объекта лишены качественного своеобразия» [13, с. 403].

Возможно, не являющиеся образцом для подражания попытки некоторых советских ученых провести границу между объектами должностных преступлений и преступлений против порядка управления в какой-то мере могут объяснить, что и среди современных исследователей встречаются сторонники отождествления объектов уголовно-правовой охраны глав 30 и 32 УК РФ. Так, в одном из первых учебников Особенной части уголовного права, написанном на базе действующего УК РФ, объектом преступлений против порядка управления (автор называет его видовым. – Л. Л.) объявлена «нормальная управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления» [10, с. 416].

Вряд ли подобное определение объекта преступления будет верным, если мы говорим о преступлениях, обособленных в главе 32 Уголовного кодекса.

Помещение составов преступления против порядка управления в раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти» означает, что общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 32 Уголовного кодекса, способны существенно затруднить функционирование публичной власти. Последняя неразрывно связана с государственным и муниципальным управлением, выступающим основной формой ее проявления, главным каналом реализации [2, с. 98–100]. Однако отсюда вытекает лишь то, что родовый объект преступлений против порядка управления, так же как и объект преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, находится в плоскости общественных отношений, обеспечивающих стабильное, безопасное и легитимное функционирование государственной и связанной с ней муниципальной властью. Последние отношения выступают для раздела X УК РФ межродовым объектом уголовно-правовой охраны. Такое удачное название для обозначения подобного интегрированного объекта использует, например, Л.Л. Кругликов [7, с. 420]. Оно как нельзя лучше отражает ту мысль, что нет никаких оснований ни для отождествления объектов уголовно-правовой охраны разных глав, включенных в один раздел Уголовного кодекса, ни для отождествления объекта уголовно-правовой охраны одной главы Уголовного кодекса с объектом уголовно-правовой охраны всего раздела, в который включена данная глава.

На наш взгляд, неточным также является утверждение, будто в главе 32 УК РФ сосредоточены составы преступлений против исполнительной власти» [20, с. 633], или что порядок управления в этой главе есть «нормальная деятельность органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления, регламентированная Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, другими законами и подзаконными актами, направленными на соблюдение правопорядка в стране» [16, с. 652].

Н.А. Егорова верно отмечает, что отдельных глав, посвященных каждой из ветвей власти, названных в ст. 10 Конституции РФ, уголовный закон не содержит. Исклю-

чением является гл. 31 УК, которая защищает отношения по осуществлению правосудия [4, с. 21]. Так, уголовно-правовая охрана безопасности управленческой деятельности, обеспечиваемая ст. 318–319 УК РФ, распространяется и на представителей законодательной власти. А Государственный герб РФ и Государственный флаг РФ, неприкосновенность которых защищается ст. 329 Уголовного кодекса, являются официальными государственными символами Российской Федерации [11, ст. 1; 12, ст. 1], а не ее исполнительной власти.

Представляется, что применительно к положениям главы 32 УК РФ понятие «управление» следует понимать в его широком смысле, имея в виду управленческую деятельность различных ветвей публичной власти, исключая судебную. В ходе указанной деятельности, однако, возникают социальные связи двоякого рода.

Отношения первого рода складываются между государственными и муниципальными органами, а также другими организациями, указанными в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ, с одной стороны, и должностными лицами этих органов и организаций, государственными служащими, служащими органов местного самоуправления – с другой. Такие отношения, призванные обеспечить соответствие оснований возникновения и использование названными лицами властных полномочий Конституции РФ и другим законам, охраняются положениями главы 30 УК РФ.

Объектом же уголовно-правовой охраны главы 32 Уголовного кодекса выступают урегулированные нормами уголовного права второго рода отношения, складывающиеся между государством в целом, государственными или муниципальными органами, а также их представителями, с одной стороны, и управляемыми ими гражданами – с другой. Их [отношений] целевое назначение иное. В своей совокупности они образуют такой уклад взаимодействия управляющих субъектов с подвластными лицами, который характеризуется проявлением должного уважения последних к носителям, атрибутам и символам государственной власти, беспрекословным подчинением граждан законным требованиям органов и представителей государственной власти, наличием условий для безопасного осуществ-

ления таковыми своих управленческих функций, а равно соблюдением установленных законом форм реализации гражданами прав и законных интересов.

Полагаем, что именно такой уклад взаимодействия властвующих субъектов с гражданами (частными лицами) имеет в виду законодатель, пользуясь словосочетанием «порядок управления» в названии главы 32 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как и всякий уклад, порядок управления не является чем-то монолитным. В рамках составляющих его общественных отношений реализуются различные принципы. Соответственно и сами эти отношения обладают качественным своеобразием, что обуславливает необходимость классификации преступлений против порядка управления по признакам, указывающим на характер нарушаемых связей.

Следует отметить, что в науке уголовного права не всегда классификации преступлений против порядка управления строятся исходя из этого критерия. Так, по мнению А.В. Наумова, в основе разграничения указанных составов преступлений лежит не только объект, но и предмет этих преступлений. В связи с этим классификация преступлений против порядка управления представляется им следующим образом:

- «1) преступления, посягающие на авторитет государственной власти (ст. 329 УК РФ);
- 2) преступления, посягающие на неприкосновенность Государственной границы РФ (ст. 322, 322.1, 323 УК РФ);
- 3) преступления, посягающие на нормальную деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления (ст. 317, 318, 319, 320, 321, 328, 330 УК РФ);
- 4) преступления, посягающие на установленный порядок ведения официальной документации (ст. 324, 325, 326, 327, 327.1)» [9, с. 515].

Вряд ли предложенная классификация выглядит безупречной как с точки зрения называемых оснований, так и с позиции выделения классификационных групп. Конечно, законодатель нередко подчеркивает специфику объекта преступления путем указания на его предмет. Однако этот признак в построении группировок преступных посягательств не может использоваться как равноценный характеру нарушенной социальной связи, поскольку

является производным от последнего признака.

Выделение же такой группы преступлений, как преступления, посягающие на нормальную деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, хотя оно традиционно для теории уголовного права [3; 15], является методологической ошибкой. В этом случае групповой объект преступления отождествляется даже не с родовым объектом, а с объектом всех преступлений, включенных в раздел X УК РФ, и тем самым оказывается абсолютно лишены своей специфики.

Некоторые ученые, избирая в качестве критерия классификации преступлений против порядка управления групповой объект преступных деяний, в действительности в процессе подразделения составов преступлений на группы подменяют данный критерий другим. Так, А.Р. Саруханян считает, что в результате классификации преступлений против порядка управления по групповому объекту образуются три группы посягательств на порядок управления: 1) на субъектов управленческой деятельности (ст. 317–321 УК РФ); 2) на предмет управленческой деятельности (ст. 323, 324–327.1, 329 УК РФ); 3) на содержание управленческой деятельности (ст. 322, 328, 330 УК РФ) [18]. На самом же деле за основание классификации взят не групповой объект преступления, а предмет преступного воздействия, то есть тот элемент общественного отношения, путем воздействия на который причиняется вред этому отношению.

Сама по себе такая классификация преступлений против порядка управления бесполезна. Но ограничиваться ею вряд ли правильно, поскольку самый существенный признак преступления – характер нарушенного общественного отношения – остается в тени.

Предложены в науке уголовного права и многоступенчатые классификации преступлений против порядка управления. Например, Г.А. Агаев сначала подразделяет включенные в главу 32 УК РФ посягательства на преступления против исполнительной власти и иные преступления против порядка управления. Далее автор пишет: «Преступления против исполнительной власти, в свою очередь, делятся на преступления, сопряженные с пося-

гательством на личность (насильственные – ст. 317, 318 и 321 УК РФ и ненасильственные – ст. 319 и 320 УК РФ); преступления, посягающие на отдельные направления деятельности органов исполнительной власти (ст. 322, 322.1, 323, 328 УК РФ), которые, в свою очередь, следует разделить на преступления в сфере пограничной и миграционной политики (ст. 322, 322.1, 323 УК РФ) и преступления в сфере реализации конституционной обязанности по защите Отечества (ст. 328 УК РФ).

Иные преступления против порядка управления (ст. 324–327.1, 329, 330 УК РФ) целесообразно разделить на следующие группы: преступления, посягающие на порядок ведения официальной документации, средства идентификации и символы государственной власти (ст. 324–327 УК РФ) и посягательства на порядок осуществления оспариваемых прав (ст. 330 УК РФ)» [1].

Желание исследователя построить многоступенчатую группировку преступлений против порядка управления было, видимо, продиктовано его стремлением добиться соблюдения правил логики при создании классификации. Однако данная цель автором не достигнута. Классификации, построенной с учетом требования сохранения единства основания деления, не получилось. Предложенная же группировка вызывает немало вопросов. По какому критерию преступления объединены во вторую группу? Следует ли эпитет «иной» понимать так, что данные преступления причиняют вред другой власти, нежели исполнительной? Почему преступления, предусмотренные ст. 318–320 УК РФ, содержатся среди преступных посягательств против исполнительной власти? Ведь законодатель не ограничивает круг потерпевших от данных посягательств только представителями исполнительной власти. Так, в ст. 318 речь идет о представителе власти вообще (или его близких), в ст. 319 также о представителе власти, а в ст. 320 – о должностных лицах правоохранительного или контролирующего органа (а также их близких). Возникновение подобных вопросов отнюдь не свидетельствует о том, что автору удалось добиться при построении классификации учета характера нарушенного общественного отношения. А выделение в рамках преступлений против исполнительной власти таких подгрупп, как преступления, сопряженные

с посягательством на личность, и преступления, посягающие на отдельные направления деятельности органов исполнительной власти, явно говорит о том, что в этом случае в основу группировки положен далеко не этот критерий, а уже упомянутый предмет преступного воздействия. Да к этому еще примешиваются признаки, характеризующие объективную сторону преступления. Рубрика «Преступления, сопряженные с посягательством на личность» нацеливает на выяснение способа совершения преступления. Не случайны названия подразделов «Насильственные преступления» и «Ненасильственные преступления».

Как и каждая уголовно-правовая классификация посягательств, группировка преступлений против порядка управления должна помочь правоприменителю правильно определить целевое назначение уголовно-правовой нормы, которой установлен запрет на совершение того или иного деяния. Кроме того, она должна помочь практическим работникам безошибочно выбрать по крайней мере область законодательства, а желательны и круг нормативных актов, к которым необходимо обращаться при установлении содержимого соответствующих бланкетных признаков. Ведь нормы главы 32 УК РФ охраняют преимущественно те общественные отношения, содержанием которых являются права и обязанности, уже установленные правовыми нормами. В то же время целесообразно при построении классификации учесть позицию законодателя относительно места того или иного преступления в рамках рассматриваемой главы Уголовного кодекса, обращая внимание на компактное в большинстве случаев расположение составов наиболее близких преступлений внутри данной главы. Наконец, следует отмежеваться от позиций ученых, называющих в качестве критериев построенной ими группировки непосредственный объект преступления (см., например: [17; с. 300–301; и др.]).

Что бы ни понималось под непосредственным объектом преступления, объект ли конкретного преступления либо объект отдельного вида преступлений, этот признак, подчеркивающий своеобразие преступления (или его вида), окажется малопригодным для подразделения составов преступлений, охватываемых целой главой Особенной части Уголов-

ного кодекса, тем более такой большой, как глава 32 УК РФ. Здесь нужен признак, интегрирующий в себе те общие свойства, которыми обладают объекты всех преступлений, входящих в обособленную в рамках данной главы группу. Не резоннее ли в этом случае говорить о таком критерии классификации преступлений против порядка управления, как групповой объект, а точнее, те общие признаки, которые присущи общественным отношениям, нарушенным в результате совершения входящих в выделяемую группу преступлений.

В определенном смысле групповой объект преступлений против порядка управления как их классификационное основание может быть представлен в виде составной части упомянутого выше уклада взаимодействия в процессе осуществления публичной власти управляющих субъектов с подвластными им лицами.

По этому основанию, думается, можно выделить следующие группы преступлений:

1) посягательства на безопасность лиц, осуществляющих управленческую деятельность и содействующих последней:

- посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317);
- применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318);
- оскорбление представителя власти (ст. 319);
- разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321);

2) посягательства на неприкосновенность Государственной границы, установленный порядок ее пресечения и пребывания на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства:

- незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322);
- организация незаконной миграции (ст. 322.1);
- противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации (ст. 323);

3) посягательства на установленный порядок документооборота и обращения с государственными наградами, а также идентификационными знаками:

- приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград (ст. 324);
- похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ст. 325);
- подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства (ст. 326);
- подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327);
- изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование (ст. 327.1);

4) посягательства на установленный порядок укомплектования Вооруженных сил РФ и прохождения альтернативной службы:

- уклонение от прохождения военной и альтернативной службы (ст. 328);

5) посягательства на авторитет государства:

- надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации (ст. 329);
- самоуправство (ст. 330).

Предложенная классификация не является новаторской во всех отношениях. Некоторые рубрики выделялись учеными и ранее. Однако привнесенные нами оригинальные моменты, как мы надеемся, во-первых, позволяют приблизиться к выполнению тех требований, предъявляемых к классификации преступлений, о которых шла речь выше. Во-вторых, предложенная классификация выглядит просто.

Это достигается, во-первых, за счет выделения в отдельную группу преступлений, посягающих на безопасность лиц, осуществляющих управленческую деятельность и содействующих последней (ст. 317–321 УК РФ).

Для подобного обособления есть, думается, все основания.

Реализация властно-распорядительных полномочий субъектами управленческой деятельности нередко встречает противодействие со стороны лиц, нарушающих правопорядок и не желающих подчиняться публич-

ной власти. Представители таковой, а также лица, беспрекословно подчиняющиеся ее законным требованиям, обладают в связи со сказанным повышенной виктимностью и нуждаются в особой уголовно-правовой защите.

Совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасность субъектов управленческой деятельности, их близких, как условие ее надлежащего осуществления, а также отношений, обеспечивающих безопасное функционирование исполнительной власти для лиц, беспрекословно подчиняющихся ее законным требованиям, образует групповой объект преступлений, предусмотренных ст. 317–321 УК РФ. Следовательно, применительно к названным преступлениям состояние защищенности жизни, здоровья, свободы, телесной и психической неприкосновенности, а также деловой репутации и достоинства указанных лиц рассматривается не как личное благо, а как гарантия надлежащего функционирования публичной власти. Это предопределяет и своеобразие круга лиц, потерпевших во всех этих составах преступлений. В подавляющем большинстве упомянутых статей УК РФ в качестве таковых прямо указаны представители власти (ст. 318, 319) либо их отдельные виды (ст. 317, 320). В число защищаемых ст. 317, 318, 320 УК РФ лиц попали также близкие названных здесь субъектов управленческой деятельности.

Характеризуя объективную сторону анализируемых составов преступлений, следует отметить, что причинение и создание угрозы причинения вреда потерпевшим выступает в данном случае в качестве способа нарушения условий для надлежащего осуществления управленческой деятельности.

Определенными особенностями обладает и содержание умысла виновного в данных преступлениях. Виновный осознает наличие у потерпевшего специфических качеств, а также тот факт, что посягательство на безопасность данного лица нарушает условия для надлежащего осуществления управленческой деятельности.

Во-вторых, простота предложенной группировки предопределена объединением в рамках одной группы посягательств на авторитет государства двух составов преступлений, которые обычно включаются учеными в разные

рубрики. Речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст. 329 и 330 УК РФ. При всем своеобразии описанных данными статьями преступных деяний у них имеется общее качество, позволяющее говорить о них как о единой группе. Это может быть подкреплено следующими рассуждениями.

Надлежащее функционирование государственной власти невозможно без признания всеми управляемыми субъектами ее влияния на различные стороны общественной жизни. Авторитет государства, аккумулирующий подобное признание, является неотъемлемой частью порядка управления и в определенных случаях объектом уголовно правовой охраны. Уголовная ответственность устанавливается лишь за крайние формы проявления пренебрежительного отношения к государственной власти.

Преступными деяниями признаются, во-первых, надругательство над Государственным гербом и Государственным флагом Российской Федерации, являющимися символами суверенности российского государства (ст. 329 УК РФ), во-вторых, самоуправство (ст. 330 УК РФ), представляющее собой по сути проявление недоверия к государственной власти, игнорирование установленного государством порядка осуществления гражданами прав при условии, если оно влечет причинение существенного вреда.

Таким образом, авторитет государства как объект группы преступлений, включенных в число преступлений против порядка управления, охватывает собой два вида общественных отношений, а именно:

1) отношения, обеспечивающие неприкосновенность и почитание символов суверенитета российского государства;

2) отношения, обеспечивающие соблюдение установленного законодательством России порядка осуществления гражданами прав.

Дополнительным аргументом для объединения указанных посягательств в одну группу является и их непосредственное соседство в конце главы 32 Уголовного кодекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев, Г. А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства) : дис. ... д-ра юрид. наук / Г. А. Агаев. – СПб., 2006. – 348 с.

2. Витченко, А. М. Теоретические проблемы исследования государственной власти / А. М. Витченко. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – 194 с.

3. Владимиров, В. А. Преступления против порядка управления : учеб. пособие / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – М. : Дело, 1969. – 67 с.

4. Егорова, Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления) : монография / Н. А. Егорова. – Волгоград : Перемена, 2006. – 552 с.

5. Кириченко, В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву / В. Ф. Кириченко. – М. : АН СССР, 1956. – 132 с.

6. Коржанский, Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений : учеб. пособие / Н. И. Коржанский. – Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1976. – 120 с.

7. Кругликов, Л. Л. О принципах построения Особенной части уголовного закона / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права : избр. ст. 2000–2009 гг. / Л. Л. Кругликов ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2010. – 591 с.

8. Кузнецов, А. П. Преступления против государственной власти: комментарий к разделу X Уголовного кодекса Российской Федерации / А. П. Кузнецов. – М. : Рос. акад. юрид. наук : Вектор-Тис, 2005. – 360 с.

9. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI) / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 656 с.

10. Никифоров, А. С. Понятие и виды преступлений против порядка управления / А. С. Никифоров // Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. М. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М. : Юристъ, 1996. – 496 с.

11. О Государственном гербе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 25 дек. 2000 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5021 ; 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2696.

12. О Государственном флаге Российской Федерации : федер. конституц. закон от 25 дек. 2000 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5020 ; 2008. № 45. Ст. 5138.

13. Осипов, П. П. Преступления против порядка управления / П. П. Осипов // Курс советского уголовного права (Часть Особенная). В 6 т. Т. 4 / под ред. Н. А. Беляева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 557 с.

14. Поленов, Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления / Г. Ф. Поленов. – М. : Юрид. лит., 1966. – 136 с.

15. Преступления против порядка управления : учеб. пособие / под ред. В. Ф. Кириченко. – М. : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1970. – 67 с.

16. Российское уголовное право : учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э. Ф. Побегайло. – М. : Илекса, 2008. – 752 с.

17. Рудый, Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. К. Рудый. – М., 2009. – 38 с.

18. Саруханян, А. Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Р. Саруханян. – Ставрополь, 2002. – 22 с.

19. Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. В. Д. Меньшагина, П. С. Ромашкина, А. Н. Трайнина. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 544 с.

20. Уголовное право России / под ред. А. И. Рагога. – 2-е изд., с изм. и доп. – М. : Эксмо, 2008. – 704 с.

**THE ORDER OF GOVERNANCE AS THE OBJECT
FOR THE PENAL PROTECTION AND FOR THE CATEGORIZATION
OF THE CRIMES ENTRENCHING ON IT**

L. V. Lobanova

The author of this article characterizes such object of the penal protection as the order of governance; she also distinguishes between this object and the object of the penal protection according to the Chapter 30 of the Criminal Code. The new categorization of the crimes entrenching on the order of governance is offered. It is capable to help law-enforcement authorities in qualification of such kind of criminal acts.

Key words: *the order of governance, target of a crime, the object of the penal protection, the group target of a crime, the interaction way, categorization of crimes, the crimes against the order of governance.*